

массу», не принесло ощутимых результатов почти за два столетия применения. В 1905–1906 гг. указами Николая II от 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. старообрядцам и сектантам была предоставлена свобода образования общин и устройства молитвенных домов, кладбищ и начальных школ, отменены различные административные стеснения. Начался, по словам И.В. Поздеевой, «краткий миг свободы» для старообрядцев, закончившийся, как и многое другое, в 1917 г.

Список литературы

1. *Канатьева Н. С.* К истории Астраханского Кирилло-Мефодиевского Братства / Н. С. Канатьева. – Астрахань : Вестник АГТУ, 2006. – № 5 (34).
2. *Карпов С. П.* Научное и педагогическое значение археографических исследований Московского университета / С. П. Карпов // Мир старообрядчества : мат-лы Междунар. науч. конф. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – Вып. 4. «Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований». – 463 с.
3. *Описание* документов и дел архива св. пр. Синода. – Т. 1.
4. *Там же.* – Т. 2. – Ч. 1.
5. *Отчет* Астраханского Епархиального православного Кирилло-Мефодиевского Братства за 1901 г. – Астрахань : Типография В.И. Егорова, 1902. – 105 с.
6. *Поздеева И. В.* Комплексные исследования традиционной культуры русского старообрядчества – результаты и перспективы / И. В. Поздеева // Мир старообрядчества : мат-лы Междунар. науч. конф. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – Вып. 4. «Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований». – 463 с.
7. *Полное* собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. – Т. 2. – № 450.
8. *Русское* православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – 719 с.
9. *Саввинский И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 по 1902 г.) : в 2 т. / И. Саввинский. – Астрахань : Типография В.Д. Егорова, 1903. – 1191 с.
10. *Синайский А.* Отношение русской церковной власти к расколу старообрядчества в первые годы Синодального управления при Петре Великом (1721–1725 гг.) / А. Синайский. – СПб., 1895. – 352 с.
11. *Смирнов П. С.* История русского раскола старообрядства / П. С. Смирнов. – СПб., 1903. – 276 с.
12. *Шахов М. О.* Философские аспекты староверия / М. О. Шахов. – М. : Издательский дом «Третий Рим», 1997 – 205 с.

МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД В ВОПРОСЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

А.П. Романова, С.Н. Якушенков
(Россия, г. Астрахань)

Традиционный взгляд на сохранение культурного наследия как сохранение отдельных культурных объектов уже полностью исчерпан себя. На современном этапе очень важно сохранение целостной системы культурного наследия, которая не может быть сведена лишь к единичным объектам. Поэтому авторы статьи настаивают на важности сохранения культурного ландшафта, как отражения деятельной картины мира человеческого сообщества. Это можно сделать через модульную систему. В качестве модуля взята системная единица культурного ландшафта, которая может быть представлена разнообразными таксономическими явлениями: культурными, социальными, экономическими, природными и т.д.

Ключевые слова: культурный ландшафт, сохранение культурного наследия, культура Астраханской области, модули, системный подход.

The traditional view of preservation of cultural heritage preservation as a separate cultural objects are already completely exhausted. At the present stage it is important to preserve the integrity of cultural heritage, which can not be reduced to a single object. Therefore, the authors insist on the importance of preserving the cultural landscape as a reflection of the active picture of the world human community. This can be done through a modular system. As the module the system one of the cultural landscape is taken, which can be represented by various taxonomic phenomena: cultural, social, economic, natural, etc.

Key words: cultural landscape, preservation of cultural heritage, culture of the Astrakhan region, modules, system approach.

Последнее время ученые все чаще начинают рассматривать проблему сохранения культурного наследия в рамках концепции культурного ландшафта. Это продиктовано, прежде всего, пониманием, что простое сохранение отдельных исторических памятников является недостаточным для сохранения культурного баланса и культур-

ной преемственности, неподверженной деформации, вызванной различными деструктивными факторами, как объективными, так и субъективными: процессом глобализации, экономическими кризисами, изменением социальной картины, политической нестабильностью и т.д.

Термин «ландшафт» (Landschaft) немецкого происхождения и первоначально в трактовке монахов Фульдского монастыря обозначал единую священную землю, «землю обетованную», территорию, упорядоченную согласно общегерманскому плану. Позднее он трансформировался в административно-территориальное понятие, а к XVII в. входит в профессиональный оборот художников как синоним пейзажа [11, с. 116–122]. Английский эквивалент немецкого термина (landscape), согласно Оксфордскому словарю, вошел в англоязычную научную литературу из словаря художников [16, с. 2], обозначив собственно то, что в русском языке мы именуем пейзажем. Однако в англоязычной литературе термин «ландшафт» продолжает оставаться многозначным. В понимании англоязычных ученых, ландшафт – это некая среда, необязательно географическая, она может быть культурной, социальной, гендерной. Это было продиктовано тем, что в XIX в. география, непосредственно занимающаяся ландшафтом, как географическим понятием, очень тесно взаимодействует с некоторыми социальными науками, прежде всего с антропологией. Географы, занимающиеся районированием, понимают, что некоторые географические регионы нельзя рассматривать без учета народов, проживающих на этой территории. Человеческие общества являются очень часто продуктом определенной географической среды, но и среда может изменяться под влиянием антропогенного фактора. В свою очередь зарубежные антропологи сами находятся под сильным влиянием географического детерминизма.

Возможно, именно поэтому в зарубежной антропологии в конце XIX в. возникает понятие культурного ареала (culture area), или, как его еще переводят на русский язык, культурной территории.

Впервые термин «культурный ареал» был использован американским этнологом О. Мэйсоном (1894 г.), разработавшим систему классификации индейских племен, однако не был замечен широкой научной общественностью. Ученик Ф. Боаса А. Кребер вводит это понятие в широкий научный оборот в работе «Типы индейской культуры в Калифорнии» (1904 г.). Исследуя культуру калифорнийских индейцев, А. Кребер пишет, что на всей территории штата она однотипна: «Несмотря на то, что существует огромное количество племен и языков, и нет двух идентичных по обычаям и вере, есть некая общая матрица. Более двух третей территории штата демонстрируют фундаментальную этническую однотипность, отличительные особенности их культуры не найдены на других территориях. Поэтому возможно говорить о типично калифорнийских индейцах и об идентификации типично калифорнийского культурного ареала» [14, с. 82]. Уже в 1916 г. Сапир употребляет термин «культурный ареал» как само собой разумеющееся понятие, затем в 1917 г. его использует К. Уисслер. Он считал, что в основе любой культурной классификации должно лежать географическое районирование [18, XX]. Позднее, в работе «Культурный и естественный ареал аборигенов Северной Америки», А. Кребер обозначит появление этого подхода как спонтанное, бессознательное. «Концепт культурного ареала имеет дело с некими культурными целостностями. Культуры находятся в природе как целостности, которые не могут быть обозначены как простое соединение элементов» [15, с. 4].

Почти параллельно с понятием «культурного ареала» в начале XX в. в российской науке появляется понятие «культурный ландшафт», введенное в научный оборот русским географом Л. Бергом еще в 1915 г. Анализируя задачи, которые стоят перед наукой географией, он пояснял, что конечную цель географии «составляет изучение и описание ландшафтов, как природных, так и культурных. Природными ландшафтами мы называем такие, в создании которых человек не принимал участия, в отличие от культурных, в которых человек и произведения его культуры играют важную роль. Город или деревня, по нашей терминологии, суть составные части культурного ландшафта» [1, с. 471].

К сожалению, новаторский подход Л. Берга остался незамеченным для мировой науки, вместе с тем он наглядно продемонстрировал антропогеографический подход к самому концепту культурного ландшафта [6].

Чуть позднее термин «культурный ландшафт» (*kulturlandschaft*) начал использоваться и немецкий географ Норберт Крабс [13].

Следующим, кто начал активно пропагандировать схожую концепцию культурного ландшафта, был американский географ Карл Зауер, который в 1925 г. очень четко обосновал понятие культурного ландшафта [17]. Именно его на сегодняшний момент считают отцом-основателем теории культурного ландшафта.

На сегодняшний день существует две парадигмы понимания культурного ландшафта. Первую можно условно назвать ландшафтно-ориентированной. В ней культурный ландшафт исследуется с акцентом на природную составляющую, измененную или дополненную человеческой деятельностью. По сути, он, как считает В.Л. Каганский, не отличен в данной парадигме от антропогенного ландшафта [5, с. 62]. Н. Ф. Реймерс в рамках этой парадигмы определяет культурный ландшафт как «целенаправленно созданный антропогенный ландшафт, обладающий целесообразными для человеческого общества структурой и функциональными свойствами» [9, с. 262]. В рамках этой парадигмы культурный ландшафт есть отражение социума. Каков социум со всеми его атрибутами (менталитетом, культурой, экономикой, историей), таков и культурный ландшафт. Одновременно культурный ландшафт создает основу, «выращивает» свой будущий социум. В системе «социум – ландшафт» существует прямая и обратная духовная связь [8].

Вторую парадигму можно назвать культурологической или культурно-ландшафтной. В этой парадигме определяющим моментом является именно культура. В ней существуют три основных направления: информационно-аксиологическое (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, Р.Ф. Туровский), феноменологическое (В.Л. Каганский) и этнокультурное (В.Н. Калуцков, М.В. Рагулина и др.) [7, с. 10].

Ю.А. Веденин, давая определение культурному ландшафту как «целостной и территориально-локализованной совокупности природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного влияния природных процессов и художественно-творческой, интеллектуально-созидательной и жизнеобеспечивающей деятельности людей» [2, с. 6], выделяет природный и культурный пласты ландшафта, пронизанные многообразными связями, но при доминанте культурного. В культурном ландшафте он различает 6 компонентов: природный ландшафт, местное хозяйство, селения (поселения), местное сообщество, местная языковая система (включая топонимию), духовная культура (включая фольклор).

Р.Ф. Туровский определяет культурный ландшафт как результат соприкосновения духовной жизни человека и территории. Он включает в него не только элементы материальной культуры, но и исторические события, происходившие в данной местности, знаменитых людей, которые жили и творили на этой территории, образцы культуры, созданные в этой местности и описывающие эту местность (книги, картины и др.) Природная составляющая, по Туровскому, вписывается в культурную [10].

В рамках феноменологического направления В.Л. Каганский рассматривает ландшафт как среду, сферу и ценность культуры. Он анализирует ландшафт и культуру во взаимном сопряжении, поскольку культуру нельзя представить вне обращенности к ландшафту. По сути своей у В.Л. Каганского феноменология ландшафта есть ландшафтное видение культуры и культурное видение ландшафта: «Мысля культуру в ландшафте, мы видим его «текстом», один слой которого – культура. Обращаясь к ландшафту, можно многое узнать о культуре: ландшафт – ее необычная сфера, свидетельство, «изнанка». Культура в ландшафте (в отличие от литературы, философии, искусства) неприглажена, нерerefлективана (хотя существуют и «культурогенные» ландшафты, например садово-парковые)» [4, с. 134]. В отличие от классического гуманитарного знания, для которого, по мнению В.Л. Каганского, культура есть рамка ландшафта, для него ландшафт есть рамка культуры. Отсюда и специфика феноменологического анализа: «не размещение «объектов культуры», а пространственное и

семантическое осмысление сплошной ткани ландшафта, попытка выявления системы его смысловых форм, ландшафтная феноменология культуры и культурная феноменология ландшафта» [4, с. 134].

Представители этнокультурного подхода под культурным ландшафтом понимают, прежде всего, культурную среду этнического сообщества, сформировавшуюся в определенных природно-географических условиях, взятую в ее целостности. Так, В.Н. Калущков в качестве составных частей культурного ландшафта выделяет мифологию места, духовную культуру, местный фольклор, восприятие местным сообществом своих традиций [6].

Как отмечает А.В. Лысенко, в понимании культурного ландшафта сохраняется объектный дуализм, поскольку существует две парадигмы: природоцентричная, в котором человек и его культура изучаются как фактор, преобразующий природный ландшафт; и культуроцентричная, когда природный ландшафт выступает в качестве среды местного культурно-специфичного сообщества [7, с. 10].

Во взглядах на культурный ландшафт существует некоторая антиномия подходов, вызванная разными гносеологическими (предметными) подходами, так как это понятие выходит за рамки только естественно научных или гуманитарных дисциплин. Каждый из специалистов пытается вычлениить нечто свое в этом понятии. «При монодисциплинарном и полидисциплинарном подходах природная среда оказывается в зоне интересов географии, языковая система – диалектологии, фольклор – фольклористики и т.д. При изучении культурного ландшафта, взятого в его целостности, в поле зрения исследователя попадают не только отдельные компоненты, но и их внутренние (системные) связи. Сопряжением нескольких компонентов, а, следовательно, и научных дисциплин, к ним обращенных, и достигается проблемное междисциплинарное комплексирование» [3, с. 16].

Как нам кажется, спор о доминанте тех или иных дисциплин, да и приоритетах культурного или природного в феномене культурного ландшафта является несколько искусственным, так как любая культура не может существовать вне природной среды, ну а сама среда мыслится и проживается в рамках определенных культурных паттернах. И культурное, и природное представляют собой целостную систему, где каждый элемент неотделим от других подобных элементов системы. Эта системность и является определяющей в понимании феномена ландшафта.

Введение в проблематику сохранения культурного наследия концепта культурного ландшафта позволило взглянуть на локальное культурное наследие Астраханской области как на определенную динамичную систему, построенную на основе принципов синхронии и диахронии. Системный подход к культурному ландшафту и культурному наследию, как наиболее ценной составляющей его, привел к необходимости разработки синтаксиса этой системы, а также ее прагматики. Все это стало возможным благодаря формализации концепции культурного ландшафта края и представления его с помощью математических языков и логических схем.

В результате система культурного ландшафта Астраханской области была представлена в виде модулей, выступающих в качестве составных частей этой системы. Под модулем в данном случае понимается законченная единица культурного ландшафта, обладающая четкими территориальными, темпоральными, экономическими, семантическими и прагматическими характеристиками. Модуль не является единичным памятником культуры, охраняемым государством, а выступает некой системной единицей: городским районом, историческим местом, частью биологической или экологической системы (экологическая ниша, особая хозяйственная деятельность, осуществляемая в рамках экономической системы края) и т.д.

Особая организация модулей в рамках системы культурного ландшафта была названа ее синтаксисом. Естественно, что каждый модуль данной системы (ландшафта) тесно связан со всей системой в целом, имеет определенную функцию и конкретные параметры (характеристики: пространственные, временные, смысловые и т.д.) [12, с. 3–17]. Представление культурного ландшафта в виде системы, состоящей из модулей, дает возможность увидеть внутренние связи этой системы, выражающиеся

через связи между модулями, т.е. прагматику. Данные связи могут иметь как горизонтальный, так и вертикальный характер. В саму же систему вписаны самые разнообразные модули, восходящие как к материальной, так и духовной культуре. Модули в рамках даже одной системы являются самыми разноплановыми, т.е. таксономически разнородными. Это позволяет объединять их в единую систему и анализировать все внутренние связи.

Авторы-разработчики данного подхода пришли к выводу, что в рамках одной системы культурного ландшафта следует следить за сохранением целостного равновесия системы, оберегая не отдельные объекты, которые, хотя и входят в отдельные модули, тем не менее приобретают дополнительное аксиологическое звучание благодаря целостности модуля и его тесной связи с другими модулями.

Модульный подход можно условно сравнить с подходом, разработанным в рамках географических и биологических наук и получившим название экосистемы. В рамках определенного географического пространства могут находиться несколько экосистем или экологических ниш, существующих как бы отдельно, и вместе с тем взаимосвязанных. В рамках концепции культурного ландшафта подобные экосистемы также могут вписываться в систему как отдельные модули. Так, например, волжская дельта, с ее уникальной экосистемой, несомненно требует бережного к ней отношения и ее сохранения. Подобным же модулем выступает и гора Богдо на севере области. Оба модуля не существуют отдельно от других социокультурных элементов культурного ландшафта края. Они взаимосвязаны через призму, как духовной, так и материальной культуры: фольклор, хозяйственную деятельность, материальные ресурсы и т.д. Так гора Богдо является священной горой буддистов калмыков. Она связана с их фольклором, ритуальной практикой и т.д. Но это еще и уникальный природный заказник. Рядом расположенное озеро Баскунчак – это крупнейшее месторождение поваренной соли. Так объект религиозного культа и фольклора, экологическая и хозяйственная единица образуют единый модуль, соотносящийся как с материальной, так и нематериальной культурой.

Модулем культурного ландшафта выступают и отдельные сферы человеческой деятельности, представляющие собой уникальное явление в рамках региональной экономики и социокультурной жизни края. Так многовековая история астраханского растениеводства представляет собой особый модуль, требующий к себе бережного отношения и изучения. В свою очередь, растениеводство представляет собой совокупность самых разнообразных феноменов, характеризующих этот модуль как особый уникальный сектор экономики края.

К сожалению, астраханское животноводство, как особое уникальное направление, уже утратило свою былую значимость и больше не может рассматриваться в рамках модульного подхода в вопросе сохранения культурного наследия. В весьма проблемной фазе находится и модуль рыбоводства. Направление усилий лишь в области рыбоводства без учета социокультурной динамики неизменно приведет к разрушению и этого модуля, что может повлечь за собой развал системы в целом.

Проблема модульного деления культурного ландшафта города позволила увидеть ряд уникальных модулей, сформировавшихся на основе определенной территории, исторического и архитектурного своеобразия. Среди подобных модулей можно выделить Белый Город, Косу, Селенские Исады с прилегающей к ним территории купеческой Астрахани, район Зakanалья, Большие Исады и т.д.

Если на первом этапе работы авторы говорили о необходимости сохранения только такого объекта как Белый город, то благодаря модульному подходу стало ясно, что консервация лишь этого объекта не решит всей проблемы по сохранению культурного наследия в крае. Белый город является лишь одним из множества модулей, которые должны быть актуализированы в рамках проекта по сохранению этого наследия. Выделение из культурного ландшафта лишь одной единицы без понимания всего разнообразия и специфики культуры Астрахани в значительной мере обедняет значимость культурного наследия края. Сохраненный или отреставрированный памятник XIX в., окруженный новостройками, становится всего лишь неким анахро-

низмом, пережитком прошлого. Сохраненный квартал или район домов XIX или XVIII вв. уже выступает как целостное единство, придающее городу свое очарование, и повышающее его культурную значимость.

Вне всякого сомнения, модульный подход повышает жизнеспособность системы, помогает предотвращать ее деформацию, гармонизировать или даже предотвращать внутренние бифуркации и т.д. Длительное время культурный ландшафт Нижнего Поволжья с центром в Астрахани складывался как целостная система, развивавшаяся порой хаотично, но вместе с тем сформированная благодаря объективным природным и антропогенным факторам. В советский период этот объективный характер развития сменился множеством субъективных доминант в виде статей госплана, навязанных области извне. Придание сельскому хозяйству края монокультурный характер уничтожило многие уникальные направления не только земледелия, но и животноводства. Множество культур практически перестали существовать или находиться на грани исчезновения. Именно анализ этого кластера экономики как особого культурного модуля может помочь сохранить для потомков уникальные культуры. А таковых множество, это и различные эндемичные сорта яблок, и особые сорта винограда, разведение которого в России началось именно с Астрахани, и сорта томатов, арбузов и дынь, и многое другое.

Последнее время администрация края делает многое для превращения области в туристический центр, но многие меры, принимаемые с этой целью, носят бессистемный характер. Это лишь точечные удары, которые не приводят к созданию системы. Модульный же подход, как нам кажется, может изменить ситуацию, позволит увидеть наиболее уязвимые или наоборот сильные места этой сферы, а также поможет сохранению и приумножению культурного наследия края.

Но модульный подход, при всех его плюсах, имеет и ряд минусов. Прежде всего, его функционирование возможно только при совместной деятельности самых разнообразных специалистов: историков, культурологов, биологов, экономистов, географов и т.д. Кроме этого модульный подход требует особого системного мышления, способность выйти лишь за единичный объект, и рассматривать всю совокупность самых разноплановых объектов, т.е. биолог или географ должен обладать и историческими или общегуманитарными знаниями, а гуманитарий хорошо знать природную составляющую края.

Специалист по модульному подходу к сохранению культурного наследия края не может появиться по приказу или декрету. Его необходимо воспитывать, давать особое образование, требующее специфичных навыков в разных областях знания.

Но модульный подход не является лишь делом небольшого числа специалистов. Все население края должно быть вовлечено в него, а для этого требуется система информации и распространение знаний.

Существует и острая необходимость в целенаправленных усилиях администрации края по пути сохранения культурного наследия в области. И несмотря на то, что такая заинтересованность есть, администрация выступает в большей степени в роли пожарной команды, поздно приехавшей на пожар с минимумом противопожарных средств. Поэтому она и хочет потушить пожар, но не может, так как приходится, прежде всего, раздобыть лопаты и багры, найти шланги и воду, и когда все готово, пожар потух, здание сгорело.

Список литературы

1. *Берг Л.* Предмет и задачи географии / Л. Берг // Изв. РГО. – 1915. – Т. 51. – Вып. 9. – С. 463–475.
2. *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства / Ю. А. Веденин. – СПб., 1997.
3. *Иванова А.* Концепция культурного ландшафта в исследовании и репрезентации фольклора / А. Иванова, В. Кагуцков // Экология культуры. – 2006. – № 2. – С. 10–23.
4. *Каганский В. Л.* Ландшафт и культура / В. Л. Каганский // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 134–145.
5. *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт в Российской географии / В. Л. Каганский // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – 2009. – № 1.

6. **Калуцков В. Н.** Основы этнокультурного ландшафтоведения : учеб. пос. / В. Н. Калуцков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.
7. **Лысенко А. В.** Культурные ландшафты Северного Кавказа: структура, особенности формирования и тенденции развития : автореф. ... д-ра географ. наук / А. В. Лысенко. – Ставрополь, 2009.
8. **Николаев В. А.** Культурный ландшафт – геоэкологическая система / **В. А. Николаев** // Вестник МГУ. – 2000. – № 6. – Сер. 5. – География. – С. 3–8.
9. **Реймерс Н. Ф.** Природопользование : словарь-справочник / Н. Ф. Реймерс. – М., 1990.
10. **Туровский Р. Ф.** Культурные ландшафты России / Р. Ф. Туровский. – М., 1998.
11. **Тютюнник Ю. Г.** О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» / Ю. Г. Тютюнник // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2004. – № 4. – С. 116–122.
12. **Heritage Memory and the Politics of Identity: New Perspectives on the Cultural Landscape**, ed. Moore N, Whelan Y. / Heritage. – Burlington, 2007.
13. **Krabs N.** *Natur-* und Kulturlandschaft / Krabs N. *Natur-* // Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1923. – Ss. 81–94.
14. **Kroeber A. L.** Types of Indian Culture of California. University of California publications. American archeology and ethnology. – 1904. – June. – vol. 23.
15. **Kroeber A. L.** Cultural and natural areas of native North America. University of California Press, 1965.
16. **Landscape, Memory & History. Anthropological Perspectives** / ed.: P. Stewart, A. Strathern, L., 2003.
17. **Sauer C.** The Morphology of Landscape / C. Sauer // University of California Publications in Geography. – 1925. – № 22. – P. 19–53.
18. **Wissler C.** The American Indians / C. Wissler. – N.Y. : Oxford University Press, 1922.